

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: A05B5275-7A71-4701-BB42-1085FA15FC2D

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

Чудо чудесное (Художественная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1.....	0005
КОММЕНТАРИИ.....	0017

В. В. Стасов
Чудо чудесное

Довольно давно уже мне сильно хотелось, мне совершенно необходимо было высказать в печати то, что я теперь выскажу в нижеследующих строках. Но я не мог этого сделать. Болезнь, как-то особенно несвоевременная, помешала мне.

Когда случится что-нибудь счастливое, светлое, радостное, как относятся к нему обыкновенно люди? С радостью же, со счастьем, с восхищением. Когда человек, повидимому, совершенно уже погибавший, совершенно уже обреченный на смерть, вдруг спасется, каким-то чудом вынырнет из бездны и снова вернется к жизни и здоровью — все вокруг чувствуют прилив глубокого блаженства, сердце их полно, они восторженно приветствуют спасенного. Великое дело совершилось и подняло их душу.

Но иногда у нас совсем иное происходит. И счастье придет, и человек спасен от гибели — да никто не радуется, а вместо того все равнодушно молчат, глядят перед собой осовелыми глазами, пребывают в прежней апатии, а еще некоторые из них даже презрительно улыбаются, трунят и смеются.

Разве это не безобразно, разве это не ужасно?

А нечто подобное случилось как раз недавно.

Спасся человек от страшной гибели — гибели всего интеллектуального своего существа, человек, полный таланта и сил, человек, много больших дел сделавший на своем веку, таких, которые навсегда останутся, но попавший по какому-то злому случаю в грязный омут и водоворот, он спасся, он снова воротился к жизни, он снова расправляет крылья, он снова способен продолжать прежние большие дела, — но когда счастливая весть облетела наш русский мир, никто не обрадовался, никто не почувствовал себя счастливым, никто не вздохнул счастливо и не взглянул благодарно. Никто! Все промолчали, словно ничего важного, ничего необычайного не случилось, ниоткуда не послышалось обрадованного голоса. Какая печальная мертвечина!

А с кем счастье случилось? Кто был спасен? И от какой великой беды спасен?

Спасен был Репин, этот крупный, этот истинно великий русский художник, которого

имя навеки стоит золотыми буквами на одной из самых значительных страниц истории русского художества; Репин, с которым произошел несколько лет тому назад какой-то необыкновенный, неожиданный, даже и до сих пор ничем не объяснимый переворот; Репин, которого вся Россия знала и любила, которым она гордилась и у себя дома, и в чужих странах, перед Европой, и которого Европа тоже хорошо знала и глубоко уважала. Конечно, он ничего никогда не изменил в самом главном — в своем творчестве, — здесь он не пошел никуда в сторону и остался все прежним: свидетель тому его последняя картина, талантливая и потрясающая по выражению, «Дуэль», которая удивила всю Европу на международной выставке 1897 года, в Венеции. Да, в своем собственном творчестве, в своем собственном художественном направлении Репин ни на единую йоту не изменился, ни в единой черточке ничего не сдал. Он остался прежним могучим, талантливым, своеобразным, оригинальным, национальным и глубоковыразительным художником. Но в теоретических мыслях своих он словно вышел из сво-

его лагеря, из своих рамок, из своего характера и направления и перешел в какой-то другой, совершенно ему до тех пор чуждый стан. Все его друзья и почитатели его, все, что-нибудь понимающие в русском искусстве и сочувствующие ему, были глубоко огорчены и еще более глубоко удивлены. Никто не мог дать себе отчета, отчего такое странное чудо случилось, и все печально ожидали самых мрачных последствий. Почти никто, даже из числа искреннейших доброжелателей Репина, не осмеливался надеяться на его спасение, на его выздоровление от тяжелой болезни. Он казался безнадежным. И вдруг — о чудо чудесное! Безнадежный больной поздоровел и поправился, нашел внутри себя прежние силы, взял одр свой и пошел.

Все прежнее здоровье вновь принесла здоровая, сильная, глубокая художественная натура. Она ведь словно могучий родниковый ключ, который может на несколько минут скрыться и исчезнуть под гнетом грузных повстречавшихся на дороге камней и булыжников, со стороны навалившихся бревен, нанесенного ветром сора, мха и многосаженной

плесени — да, все это может легко случиться, но родник, чистый и светлый — все-таки родник чудесный, его сила все-таки однажды возьмет свое и он снова засверкает на солнце.

Так случилось и с Репиным.

Он сбросил с себя одним махом, одним здоровым непобедимым напором и бревна, и бulyжники, и сор, и плесень — и стал опять прежний Репин.

Он тоже воскрес к прежней жизни, как бедный Нехлюдов, как бедная Катюша в новом бессмертном творении величайшего из русских художников.

И этого воскресения у нас словно не увидели и не почувствовали. Большинство упорно промолчало, кое-кто подтрунивал, кое-кто, словно волки угрюмые, мрачно покосились на светлое чудо и завыли похоронную песню, промычали что-то низкое и гадкое про жадность, своекорыстие и подкуп, несколько декадентских дворняжек плачевно завизжали, словно ошпаренные поваром из окна. И на том все кончилось. На минуту взбаламученные круги на воде затянуло, и пошла опять прежняя рябь.

Единственным исключением явился Антокольский, произнесший несколько громовых слов изумления, укора и сочувствия. Но ведь зато он настоящий художник.

Что меня более удивляло б нынешнем репинском деле, это — что многие, кивая главами, всего горше упрекали художника, за что? — за то, что он от чего-то к чему-то перешел, что он не остался на прежнем месте, что он не был тверд, прочен и устойчив. Какие забавные люди! Словно тот, у кого случилась чахотка или водяная, ревматизм или расстройство нервов, присягнул этим болезням на веки веков вечные, должен быть им верно-подданный слуга и поклонник, и даже думать не смей от них избавиться. Нет, будь им прочен и верен, носи эти гадины в себе, облизывайся и благодари усердно. Тогда ты самый хороший, самый настоящий человек.

«Репин два года тому назад говорил вон что, а теперь говорит вот что». Ну, что ж, и слава богу, что он стал говорить то, что теперь говорит, а не то, что тогда говорил. Можно молебен служить, можно пудовую свечку поставить, а не то что попрекать.

Разве Белинский худо сделал, что отступился от прежних уродливых мыслей и перешел в самый что ни есть противоположный лагерь?

Некоторые дворняжки попробовали твякать, что вот, мол, Репин однажды говорил про академии то-то, а теперь стал говорить другое. Неправда, неправда, тысяча раз неправда и клевета. У Репина, на его веку, не раз бывали ошибки и недочеты в его (впрочем, всегда превосходно написанных) статьях об искусстве, и ему не раз это указывали, в печати же. Но он никогда не изменял своего мнения об академиях. Только он всегда имел в виду, говоря про наше отечество, не одну Академию, а две: прежнюю и новую. Против прежней он всегда ратовал (хотя, к несчастью, иногда с нею все-таки в чем-то еще сходился); он на нее нападал, как на художественного деспота, педанта, формалиста и лжеучителя; на новую он возлагал все надежды, и это потому, что эта была Академия уже совершенно другая, такая, которая желала неприкосновенно уважать личность и самостоятельность художника, которая отступа-

лась от всякого художественного деспотизма и оставляла за собою только обязанности технического школьного обучения. Как же смешивать эти две академии, как же злостно попрекать Репина, навыворот, в его симпатиях и антипатиях?

Никогда, ни прежде, ни нынче, Репин не переставал проповедывать о пользе и необходимости художественного учения, и особенно нападал на недостаточность его, в особенности у нас. Поэтому, с некоторым даже преувеличением, он указывал русским художникам на Париж и Мюнхен, где учатся усерднее, усидчивее, прилежнее.

В этом отношении и новая Академия наша была ему любезна, потому что он надеялся, что новые свободные принципы учения и добрый пример Запада скоро принесут пользу, прежде не известную в старых академиях. Он, может быть, ошибся в иных своих ожиданиях — что делать! но ожидания его были добрые и светлые.

Нашлись нынче люди, которые, вообразивши, что Репин — теперь уже старый, больной, поверженный лев, которого можно и

должно лягать, пытаются корить его будто бы еще недавнею «приверженностью» его к декадентству. Но это еще новый раз — более чем на три раза неправда. Репин писал в 1897 году: «Даже декадентство, над которым еще слышится раскатистый хохот людей беззаботных насчет эволюции в искусстве — и это нелепое по своему названию декадентство в будущем увенчается лаврами, я в этом глубоко убежден...» Слышите ли: «далее... даже декадентство»! Тут еще мало есть сочувствия и любви. «Даже». Но почему Репин даже и от декадентства ожидал чего-то? Именно потому, что он сильно заинтересован был новыми завоеваниями искусства, будущим развитием его, потому что всеми силами души веровал в эти завоевания, в это развитие и призывал их от всего сердца. Ему тогда еще мерещилось, что принцип декадентства: «проявление индивидуальных ощущений человеческой души, ощущений иногда таких странных и глубоких, какие грезятся только поэту...» Что ж! Ожидание превеликолепное, мечты прелестные и благородные. Можно только страстно желать, чтобы все это осуществилось. Но бед-

ный Репин ничего так и не дождался. Мечты остались мечтами, ожидания — ожиданиями, нарядные слова — нарядными словами, праздными и лживыми. Никаких тонких ощущений человеческой души, никаких глубоких мечтаний поэта на деле не оказалось. Все ограничилось изображениями женщин, которые куда-то глядят, вычурно и жеманно протянув плохие руки, и девушками, которые, словно одурманенные, нюхают цветок. Далее этого новое искусство не пошло. Повсюду полное отсутствие природы, правды, естественности. Все искусственно, все исковеркано и обезображено, все преувеличено и неумело. Ждал, ждал бедный Репин и ничего более не дождался. Но когда он посмотрел на наших декадентов, ему тут стало во сто раз еще тошнее. Повсюду он увидал жалких недoucек и дилетантов, которым учиться, трудиться — все равно что нож острый в бок! То ли дело, ничему порядком не учившись, а только схватив кое-что на лету, вертеть и ворочать потом, как в голову что взбредет, и шлепать на холст все бесконечные уродства и безобразия, которые в добрый час заберутся в

беспутную голову. Посмотрел-посмотрел Репин, этот вечный работяга, этот вечный труженик, никогда не перестающий учиться на живой натуре и на самой жизни и достигающий все большего и большего мастерства художественной передачи, — посмотрел он, посмотрел на наших вертлявых вертопрахов и хвастунов, обещавшихся перестановить вверх дном весь мир и все искусство, но все равно моря не зажегших, посмотрел он, посмотрел на их дурацкие безвкусные выставки с финляндскими юродивыми на придачу, посмотрел он, посмотрел на их чудовищные мальчишеские глумления над русским искусством и лучшими русскими художниками — и взяла его такая тоска, такое омерзение, что хоть со света вон бежать. Не было сил более терпеть психопатов и неизлечимых уродов. Он и ушел от них с негодованием и презрением, отрясая последнюю грязную пыль с сапогов своих.

Наш долг теперь провозгласить ему за все это: «Слава!» Репин воскрес. Репин стал прежний Репин, стал на свои прежние ноги. От него можно ожидать chefs d'oeuvre'ов. Он да-

же успел на фоминой неделе написать один из таких chefs d'oeuvre'ов, даром, что рука бо-лит. Это именно — портрет Людм. Иван. Шестаковой, сестры Глинки. Сеансов было всего четыре, портрет небольшой и писанный быстро *alla prima*, но блестящий колорит, поразительное сходство, жизнь, рельеф, свет делают из этого портрета картину, которой место в большом народном русском музее. Это нечто вроде того портрета, что Репин написал в 1881 году в Военно-сухопутном госпитале с умирающего Мусоргского и перед которым Крамской просидел несколько часов в немом восхищении.

Воротиться к русским безумным мальчикам-декадентикам!! Какой позор!

1899 г.

КОММЕНТАРИИ

«ЧУДО ЧУДЕСНОЕ». Статья опубликована впервые в 1899 году («Новости и биржевая газета», 18 мая, № 135).

Статья написана по поводу выступления Дягилева против Репина. Ей предшествовало письмо Репина «По адресу „Мира искусства“, опубликованное в „Ниве“ (1899, № 15), в котором великий русский художник заявил о своем разрыве с журналом, ввиду его декадентского направления и враждебного отношения к Академии и к ряду видных русских художников старшего поколения. Репин писал, что направление журнала „Мир искусства“ — „декадентство, в буквальном значении. Его идеал — атавизм в искусстве. Дилетантизм ставится в принцип школы... Их гений — финн Галлен. Это образчик одичалости художника. Его идеи — бред сумасшедшего, его искусство близко к каракулям дикаря...“;...развязные дилетанты почувствовали почву для анархии в искусстве и делают себе карьеру. Все молодые финляндцы, а наши Александр Бенуа, К.

Сомов... и другие недоучки с благоговением изучают манеру этих бойцов за невежество в искусстве и надеются на славу в потомстве.» «Биржевая цена — вот чем теперь определяются достоинства художественного произведения. Картинные торговцы должны заменить профессоров: им известны потребности и вкусы покупателей. Они создают славу художникам... Поскорей, поскорей забросать грязью все свое, все уничтожить, оставить только рабское подражание последней моде, установленной в Rue le Peletier.» {На улице Ле Пелетье находилась картинная галерея фирмы Дюран-Рюэль, торговцев картинами.} «В ваших мудрствованиях об искусстве вы игнорируете русское, вы не признаете существования русской школы. Вы не знаете ее, как чужаки России. То ли дело болтать за европейцами... вечно пережевываете вы европейскую жвачку...» (IV, 26–28).

В ответ Репину Дягилев в «Мире искусства» (1899, № 10) напечатал статью, в которой пытался доказать «тождество» своих взглядов на Академию со взглядами Репина и, напомнив статьи Репина из-за границы и его

отношение к «чистому» искусству (см. статью Стасова «Просветитель по части художества», т. 3), обвинял теперь Репина в его отступничестве от прежних взглядов.

Стасов верил в могучую талантливую русскую натуру Репина. Он считал, что великий художник должен преодолеть ошибочные убеждения. По поводу совершившегося «чуда чудесного» и против Дягилева и написана комментируемая статья. С этого времени период ссоры между Стасовым и Репиным, начавшийся в 1893 году с момента ухода Репина в Академию, кончился.